

УДК 070

МЕНТАЛЬНЫЕ СЕМАНТИКО-РЕЧЕВЫЕ ОППОЗИЦИИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВОЙ РЕФЕРЕНТ-СИТУАЦИИ О КОНЦЕПТАМИ «РОССИЯ» И «БОЛЬШЕВИЗМ»

Т. И. Краснова

*Санкт-Петербургский
Государственный
университет*

*e-mail:
taikrasnova@yandex.ru*

Статья посвящена вопросам анализа речевой структуры газетных текстов русского зарубежья, вопросам анализа текстовой модальности и референции. Синтагматически содержание эмигрантских газетных текстов структурируется семантико-речевыми оппозициями, репрезентирующими в русском сознании конфликтные реалии российской действительности. Различного рода смысловые «несоответствия» акцентируют в каждой описанной ситуации ее ненормальность и болезненность.

Ключевые слова: русское зарубежье, газетный дискурс, текст, ментальное, семантическая оппозиция, референция, ситуация, модальность, Россия, большевизм.

Статья посвящена структурному анализу оппозитивного газетного дискурса русского зарубежья периода Гражданской войны (1919 г.). В задачи анализа входит: а) выявление ментальных семантико-речевых оппозиций в рамках анализа текстовых ситуаций по *ключевым* концептам; б) представление названных семантических оппозиций в качестве отображающих *способ языковой формации* дискурса о России при всех конкретных различиях текстов, связанных с их содержанием, с субъективной модальностью, жанровыми и стилистическими особенностями.

Мы поддерживаем гипотезу, согласно которой можно выделить два этапа существования семантических противоположений в дискурсе: *дотекстовой* и *речевой*, воплощающий в «языковом» теле дискурса запланированный акт смыслового воздействия. Текстовую ситуацию, связанную с передачей фактов, мы называем далее референт-ситуацией* (РС). Ее границы в составе текстов относительно свободны: предложение, сверхфразовое единство, текст целиком. Референт-ситуация вычленяется как разновидность определенного д и с к у р с а и представляет собой определенную модель интерпретации действительности в «ментальном мире» говорящего[†]. В текстах РС отличается единством некоторого опорного концепта, вокруг которого формируется общий контекст с характерными элементами структуры (семантический фрейм, гештальты) и типовой идеологической интерпретацией. Конфликтная текстовая референт-ситуация вычленяется как одна из составляющих формации социального дискурса. В «ментальном мире» говорящего она представляет собой **модель оппозитивной интерпретации действительности**, основанной на соотношении базовых модальных понятий *Действительного*, *Возможного* и *Необходимого*.

Модальность мы понимаем широко. Это единая семантическая категория языка и речи, выступающая как совокупность модусов – способов представления сообщаемого с точки зрения лица говорящего (им может быть и лицо коллективное). Именно субъективно-модальное начало образует основное грамматическое значение предложения (высказывания), включающее значение предикативности. Так называемую «объективную позицию» следует понимать лишь как один из модусов изложения, в рамках которого выражение личностного начала сведено до

* Согласно существующим представлениям под *референцией* понимается «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [10, с. 244], а под ситуацией «фрагмент действительности, вырезанный и обработанный мыслью» [1, с. 7].

[†] О дискурсе как о «тексте» и «языке» в рамках «особой социальной данности» [13, с. 35 – 73].

минимума [12, с. 680]. С другой стороны, выделяется идеологическая модальность [10, с. 16 – 17]. Мы исходим из того, что идеологический смысл модальности определяется «способом мысленного представления референта» [8, с. 47], связанным с политически ценностной основой сообщаемого.

С учетом разнообразия внутреннего содержания и форм модальности, она рассматривается в дискурсном анализе комплексно: как устанавливаемое субъектом предикативное отношение связи сообщаемого с действительностью, как выраженное тем самым психическое эмоционально-волевое отношение к сообщаемому, как социальная морально-ценностная оценка в модусе идеологического отношения к объекту сообщаемого. При этом «включение» модальности в диктум (согласно Ш. Балли) происходит на уровне языкового выражения. В процессе анализа мы используем буквенные сокращения видов модальности, традиционно используемых в описании [6]: это модальность *коммуникативная* (КМ), связанная с характеристикой предложения по цели высказывания и с ориентацией на адресата сообщения; м. *грамматическая* (ГМ), связанная с субъективными показателями реальности/ирреальности сообщаемого; м. оценочная *лексическая* (ЛМ) и м. *риторическая* (РМ), по характеристикам субъекта речи нередко представляемая в стилистике как тональность.

Текстовая референт-ситуация в составе дискурса о России отличается единством опорных концептов. Это ключевые по референции концепты «Россия» и «большевизм». Вокруг них складывается дискурс с характерными элементами структуры (семантический фрейм, гештальт) и типовой идеологической интерпретацией*. При этом весь достаточно обширный класс текстовых ситуаций может быть сведен к одной «семеме» *Р о с с и я*. В обобщенном структурно-семантическом понимании [7, с. 122] *семема* — это единица содержания, не зависящая от ее лексической оболочки (хотя она может подразумеваться) и не зависящая от ее контекстуального окружения в речи (она — категория более высокого порядка обобщений, категория концептуальная). Такую трактовку поддерживает мысль о сложности кодирования дискурса. Скажем, под *лексикализацией* «следует понимать превращение семемы не в лексему, а в то, что иногда называют «словом в контексте» [7, с. 163]. Тогда «подвергнутая анализу единица коммуникации содержит, с одной стороны, лексему, ядро которой пытаются выделить, а с другой стороны — класс текстов, совместимых с этой лексемой» [7, с. 165].

Ключевой концепт Россия. Содержание термина концепт имеет культурологическую основу: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений [14, с. 40]. Именно так «мыслятся и переживаются» в эмигрантской печати периода Гражданской войны самые употребимые ключевые слова-концепты Россия и Большевик.

Концепт *Россия, Русь* в культурно-исторической традиции связывается с тремя стратами значений: 1) этнос, народ = русские, 2) территория = русская земля, 3) государство = политическое образование [14, с. 493 и сл.]. Разумеется, в эмигрантских текстах концепт *Россия* включает все три значения, но особенно часто присутствует в форме прозрачных дескрипций — географических наименований русских городов, поселений Севера и Юга, Сибири и пр. Прагмасемантика этих наименований в составе текстовых референт-ситуаций имеет вполне определенную константу: подразумевается *пространство, где имеют место разрушение (беспорядок), насилие, голод, гибель*. Основной идеей на фоне осмысленного прошлого выступает идея **болезни** России большевизмом. Она определила

* Заметим: прикрепленность речевого высказывания к российской действительности создается не только референцией предметных термов (наименований российских городов, российских граждан, явлений новой власти в России), но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями.

и характер референции в текстах. Причем в антибольшевистской печати преобладает понимание «русской болезни» как психического и умственного недуга, с которым связано стихийное, агрессивное поведение и беспорядочность, или нарушение логики действий*. Обратимся к текстам, выступающим в качестве показательных в нашем анализе.

1. Корреспонденция «Болезнь внутри» (Варшавская речь. Варшава. 1919, 28 авг.) представляет собой развитый в указанном отношении текст, повествующий о ситуациях насилия, с элементами сюжета, комментария, положения дел. Текст не содержит дескрипций, напрямую связанных с темой болезни России (кроме заголовка, имеющего такой подтекст при вторичном его осмыслении после прочтения корреспонденции). Однако речевая последовательность текста строится на логических несообразностях, которые должны болезнь символизировать. Модальности: грамматическая – реальная была=РС; коммуникативная – утверждение, недоумение, сострадание; риторическая – в форме субъективно-авторской речи, построенной на логической несообразности с включением сигналов чужой речи.

Идея болезни в тексте связана с оценкой поведения (образа действия и образа мыслей) субъектов действия (актантов) как нездорового. Как мы увидим, эта оценка реализуется в рамках концептуальных оппозиций, заданных в тексте благодаря приему алогизма, семантике насилия и существующим в сознании читателя нормативным представлениям: а) о должном в сфере умозрительных отношений в элементарной логике – логичное / нелогичное (понятное / непонятное); б) о позитивном в сфере человеческих (социальных) отношений в действительности – насилие / ненасилие, согласие / несогласие, конфронтация[†]. Заметим, что оппозиции из сферы умозрительного *логичное/нелогичное, понятное/непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и к эмоциональной оценке (то, что логично – принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно – удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального (действительного) *насилие/ненасилие, согласие/несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и пр. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. В данном тексте осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

В тексте ниже логические несообразности передают оценочное понимание РС как ненормальной, вызывающей недоумение. Недоумение окрашено еще и сомнением. Выражается 1) знаками препинания (многоточие, тире, которые создают паузы растерянности и/или многозначительности в речи рассказчика; 2) средствами ЛМ: наречиями с семантикой неопределенного сомнительного знания (*по-видимому, почему-то*, предикатом той же модусной семантики *видно*). Обратимся

* В личностном и групповом поведении в ситуациях войны, затяжных конфликтов, бедствий, психиатры отмечают такие черты, как крайний эгоцентризм, морализаторство, обвинение окружающих, суженный аффективно-насыщенный смысл, агрессию как ведущий способ разрешения конфликтов [5]. Результатом расстройств психики считается не только «усиление чувств», их патологическая фиксация, но и, как следствие, развивающаяся тенденция к слабоумию, «поскольку страдание резко ограничивает возможности переработки информации и памяти» [3, с. 238].

[†] Оппозиция из сферы умозрительного *логичное / алогичное, понятное / непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и к эмоциональной оценке (то, что логично, принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно, удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального (действительного) *насилие / ненасилие, согласие / несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и пр. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. В данном тексте осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

к тексту, где разграничительным знаком // передается логико-смысловое несоответствие фрагментов высказывания. В записи обозначена также логическая композиция текста, о которой ниже.

	(1) По последним сведениям, в С в я т о ш и н с к о м лагере под К и е в о м были интернированы... // красноармейцы [РМ : логич. несообр. ; КМ : недоумение ; сем.: Насилие].
семантическое следствие 1)	(2) Около 40 тысяч «своих» // убрано было в концентрационный лагерь. Все это – мобилизованные крестьяне. Повинны - // в контрреволюции. В действительности же // не желали воевать. [РМ : элем. несоб.-авт. речи, логич. несообр. ; КМ : недоумение].
семантическая причина	Отказ ехать на позиции // едва не закончился сражением, предупредить которое удалось чуть ли не хитростью. Разоружали верные латыши [элем. несоб.-авт. речи; РМ : логич. несообр. ; сем.: Насилие].
семантическое следствие 2)	(3) Этот // контрреволюционный корпус, ввиду приближения Дени с кина, выводился частями и размещен сейчас за М о с к в о й в нескольких лагерях. Следствие продолжается: были уже расстрелы [сем. Насилие].
семантическое тождество	(4) Другой лагерь находится у К о р о с т е н я. Там два полка. Им оружия не дали. Предупредили, что воевать не будут.
семантическое различие	И вот, чтобы избегнуть шумной процедуры разоружения, // согноли безоружных в глухую дыру под К о р о с т е н ь [РМ : элем. нес.-авт. речи; логич. несообр. ; сем. Насилие ; КМ - сострадание]. Конечно ведется следствие и были расстрелы. Но режим там, по-видимому, более мягкий, чем в С в я т о ш и н с к о м лагере: контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты бесчинствуют и... // занимаются грабежом. [РМ : элем. несоб.- авт. речи; логич. несообр. ; сем.: Насилие ; КМ- сострадание]
семантическое следствие 1)	(5) Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства [РМ: элем. несоб.-авт. речи; логич. несообр. сем.: Насилие].
семантическая причина	Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела [сем.: Голод].
семантическое следствие 2)	(6) Из разговоров с «интернированными», которые, кстати, // слоняются по всем окрестностям [РМ : логич. несообр. ; сем.: Насилие], видно, что и на С е в е р е тоже существуют концентрационные лагеря для «контрреволюционно» настроенных // красноармейцев [РМ : логич. несообр. ; сем.: Насилие]
семантическое тождество	(7) Только там дело с продовольствием обстоит – еще хуже. [сем.: Голод]

На уровне логической композиции текста (пометы слева) несообразность отсутствует. Как и положено, логические следствия вытекают из причин, а тождества и различия чередуются. Однако, с целью активизации оценочного восприятия, текст строится по принципу композиционной инверсии: речевой блок, выражающий семантическое следствие, предшествует речевому блоку, выражающему семантическую причину и т.д. Семантическое тождество фактообразующих ситуаций с разной пространственной референцией (*под Киевом, за Москвой, у Коростеня*) выражается в идентифицирующих повторах (*концентрационный лагерь, другой лагерь, разоружение, следствие, расстрелы*) и общим сюжетным сходством изложения фактов. Семантическое различие состоит во введении новой оценочной информации, связанной с парадоксальным образом поведения агентов – красноармейцев (*отказ ехать на позиции*), интернированных (*слоняются по всем окрестностям, дуются в карты, бесчинствуют и... занимаются грабежом*).

Как видно, идея болезни проводится в составе референт-ситуации и средствами риторической модальности, композицией точек зрения. Присутствует

субъективированная речь, включающая сигналы чужой (несобственно-авторской) речи. В результате выявляется соответствие двум точкам зрения: 1) сухой идеологизированной точке зрения большевиков, выступающих в роли агенса-наильника (в абз. 1-4 он подразумевается, а изложение идет в неопределенно-личной форме); 2) простонародной сострадательной точке зрения, принадлежащей невыявленному участнику в роли пациенса-наблюдателя сообщаемого (4, 5 абз.). Изобразительным является абз. 4, где алогизмы и повторы в логически неупорядоченной речи рассказчика имитируют взволнованность лица, сочувствующего пострадавшим. Сравните: ***Им оружия не дали...// и вот чтобы избежать шумной процедуры разоружения // согнали безоружных в глухую дыру под Коростень.***

Идея умственного и психического расстройства участников событий проводится последовательно и обнаруживается в структуре фактообразующих высказываний благодаря приему контраста, или синтагматического противопоставления. Семантика предиката, передающая образ действий или мыслей персонажей, входит в несоответствие с их наименованиями как лиц и групп, поведение которых определено идеологически (в пресуппозиции). В результате в тексте наблюдаются следующие «неформальные» отношения.

1) Наблюдается отношение логического несоответствия в образе действий и мыслей насильников (*большевики*):

а) *интернированы... // красноармейцы; убрano было в концентрационный лагерь // около 40 тысяч «своих».* Семантика дескрипций *красноармейцы*, «свои» затемнена (отсюда эффект первоначального недоумения), ведь языковая компетенция говорящего включает в трактовку значение слова *свои* с семей 'связанные близкими отношениями, совместной работой, общественными убеждениями' [15; см. 14, с. 473 и сл.].

б) ***Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства.*** Ср. со следующей фразой комментария, где устанавливается отношение рационального соответствия между образом мыслей насильников и положением дел: ***Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела;***

2) Наблюдается отношение логического (и идеологического) несоответствия в образе мыслей и действий ***жертв насилия***, также ставших насильниками: ***красноармейцы // не желали воевать;***

отказ ехать на позиции;

контрреволюционно настроенные;

контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты, бесчинствуют и занимаются грабежом;

интернированные // слоняются по всем окрестностям.

Указанные несоответствия организуют понимание референт-ситуации как ненормальной, болезненной. Такое понимание может осуществляться только с помощью задействованных по смыслу текста целостных структур сознания: а) умозрительных - по оси концептов *истинное / ложное*, б) идеологических — по оси концептов *свои / чужие*.

Оппозиция *свои / чужие* реализуется в составе текста как алогизм несоответствия. Модализация подчеркивается в наименованиях кавычками: «свои» оказываются ложными своими, *красноармейцы* оказываются «контрреволюционно» настроенными, то есть ложными красноармейцами, вследствие чего *мобилизованные* оказываются *интернированными*. В результате противоположность *истинное / ложное* имеет отношение к пониманию проблемы большевизма в России как вопроса о соответствии / несоответствии, органичности / неорганичности этого явления (идеологии) народному укладу и сознанию.

В заключение можно добавить, что оценка референт-ситуации болезни реализуется как в части предикативной организации высказывания (рема), так и по линии предварительной его организации (идентификация, тема). Идея российской болезни усматривается не только в последовательном развертывании текста, но и в цепочке совокупного смыслового соответствия *беспорядок – насилие – голод*;

2. Информация «Вести из Петрограда» (Голос Родины. Берлин. 1919, 30 дек.) в отличие от предыдущего материала относится к группе текстов, в которых заголовок прозрачен по своей референции и тема болезни в нем отсутствует. Однако она вычитывается имплицитивно в содержании референт-ситуации.

Идея болезни и связанные с ней атрибутивные дескрипции с концептуальной семантикой **Беспорядочность, голод, гибель** выражены в составе текста структурами, обозначающими несоответствие: а) бытийное, средствами ГМ – Была=РС / Есть=РС, причем Была=РС выражается косвенно, через пресуппозиции высказываний (абз. 1-2); б) умозрительное, средствами РМ – ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ, выраженное через синтагматический контраст (абз. 2).

(1) Лицо, приехавшее недавно из П е т р о г р а д а в Гельсинфорс, сообщает о жизни бывшей столицы все такие же мрачные подробности, как и прежде. Голод и в особенности холод – главные язвы полувымершей и опустевшей Невской столицы [косв. Была=РС / Есть=РС; сем. Гибель];

(2) Несколько лучше обстоит дело по части «работы» Чрезвычайка [косв. Была=РС / Есть=РС; скр. сем. Гибель]. Расстрелы интеллигенции происходят редко. Беспощадно расстреливают только спекулянтов и дезертиров. Расстреляна недавно компания спекулянтов, продававшая совету народного хозяйства // принадлежащие ему же 4000 сепараторов. Расстреляна компания, занимавшаяся освобождением от воинской повинности // во главе с цыганкой Масальской, Грамматиковым и др. [ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ; сем. Гибель]

В оценочном отношении выразителен 1-й абзац. Благодаря введенным в текст наименованиям *Петроград – бывшая столица, Невская столица* – в смысловой объем текста включается экзистенциальная противоположность следующих референт-ситуаций:

реальная Была=РС (в пресуппозиции)		реальная Есть=РС (текстовая)
П е т р о г р а д /столица России, полная жизни /		<i>бывшая столица, полувымершая и опустевшая Невская столица</i>

Речевая противоположность временного плана, выраженная в составе **Есть=РС** обстоятельствами времени *недавно / прежде*, в контексте снимается: здесь доминирует качественное тождество *все такие же мрачные подробности, как и прежде*. Оценочный эпитет *мрачные подробности* выступает как ассоциированный с сем. **Болезнь, Гибель**: *Голод и в особенности холод – главные язвы полувымершей и опустевшей Невской столицы*. Слова, характеризующие **Есть=РС**, являются самой обобщенной и категоричной формой оценки: это существительные, объединенные по семе старинного русского слова *язва* – «болезнь, мор», а также «зло», «вред» [15]. Многозначны по комплексу ассоциированных идей оценочные адъективы *мрачные, полувымершая, опустевшая*. Они связаны общей идеей «гибели», «небытия», поддерживая сему «мор» соотношением *мрак – смерть – пустота*. Совокупная семантика дает текстовую парадигму *Петроград (Россия) – болезнь, гибель*. Вместе с тем эта схема РС имеет смысловую доминанту – концепт **БОЛЕЗНЬ**, что подчеркивается синтаксически, морфологически, интонационно (модусом утверждения).

Ключевой концепт Большевизм. В советской культурно-исторической традиции, по данным словарей, концепт Большевизм означает «то же, что ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [15]*. Главная константа прагматосемантики этого слова в эмигрантских газетах выражается оценкой: Большевизм – *опасная болезнь, которая может распространяться на другие народы*. В основе оценки – онтологическая и гносеологическая идеи о нездоровой, антигуманной сущности большевизма. Большевизм понимается: 1) как агрессивное проявление доктрины недемократического, тоталитарного переустройства общества, соотносимого по результатам своего осуществления с низшими формами социальной жизни, а по методам – с формами болезненной и /или/ преступной жестокости; 2) как социальный и человеческий (на уровне индивидуума – психический и умственный) недуг, связанный с противоречивой судьбой великого и в то же время угнетенного и отсталого народа, в краткий срок претерпевающего величайшие исторические катаклизмы.

3. Интервью-корреспонденция «Керенский о большевизме» (Новости жизни. Харбин. 1919, 11 сент.) помещена под рубрикой «Вести и факты». Идея большевизма как русской болезни находит здесь самое открытое выражение, так как представляет собой мнение частного, хотя и авторитетного лица. Мы обратим внимание на концовку предпоследнего абзаца (1) и последний абзац (2).

(1) *...Пройдет еще одно лето, наступит новая зима, и народные массы достаточно ознакомятся с большевизмом, во всех его цветах и оттенках, разочаруются во всех видах террора, - // и тогда они снова будут просветлены и выдвинут из своей среды достойных вождей* [ГМ – реальные **Есть=РС** / **снова Будет=РС**, т.е. косв. **Была=РС**; сем. **Насилие, Болезнь**];

(2) *На вопрос корреспондента о том, что он думает об американских большевиках, Керенский, смеясь, сказал: «Вам нечего бояться большевизма в Соединенных Штатах. Большевизм не может нарастать в стране, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. Большевизм -- болезнь усталых, истощенных народов, живущих под пятой в продолжении столетий. Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке, уверяю Вас»* [ГМ – реальная / ирреальная РС в рамках оппозиции Россия / США; сем. **Болезнь**].

В смысловой структуре 1-го абзаца присутствует экзистенциальная противоположность: подряд обозначены три ситуации-референта, связанные предикатами с наименованием *народные массы* (далее *народы*.) Это наименование вводит в текст, помимо характерных для духа того времени социальных коннотаций, важный количественный компонент смысла. Этот же семантический компонент содержится в идеологеме *большевизм*. Наименования не только характеризуют речь Керенского как выразителя авторитетного мнения в американской среде эмиграции. Эти наименования играют роль стержня, вокруг которого образуются идеологические концепты, связанные с судьбой России: **«действительность Р. / будущность Р.»**: они осмысливаются под знаком противоположения реальность / ирреальность. Реальная бытийная ситуация в пресуппозиции сообщаемого двойится и представлена как смутная **Есть=РС** и светлая **Была=РС**. Вместе с ирреальной = долженствующей = **снова Будет=РС** (текстовая **ситуация веры**) **Была=РС** составляет оппозицию реальности в настоящем. При этом **Есть=РС** выражается косвенно: она легко

* Ср. несколько иное определение большевизма в МАС: «Возникшее в начале 20 в. В России революционное, последовательно марксистское течение политической мысли в международном рабочем движении, получившее свое воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков, созданной В. И. Лениным» (С л о в а р ь русского языка. Т. 1. М., 1981).

реконструируется как прагматическая пресуппозиция и смысловая противоположность сообщаемого.

Реальная ЕСТЬ=РС (в пресуппозиции)		Ирреальная, веры = должествующая снова БУДЕТ=РС , т.е. косв. БЫЛА=РС
(народные массы, недостаточно знакомые с большевизмом всех его цветах и оттенках, не разочарованные во всех видах террора, помраченные недостойными вождями)		<i>народные массы достаточно ознакомятся с большевизмом во всех его цветах и оттенках, разочаруются во всех видах террора, – и тогда они снова будут просветлены и выдвинут из своей среды достойных вождей.</i>

В данной противоположности идея **Болезни** как психического и социального недуга выражена имплицитно. Она усматривается в признаковых актуализаторах концепта **Большевизм**, в усилительных повторах: *большевизм во всех его цветах и оттенках, во всех видах террора; народные массы, помраченные недостойными вождями* в связи с предикатом *снова будут просветлены* (т.е. «как раньше»). Это означает наличие в настоящей России народного недуга (агрессия, помрачение сознания, суженный аффективно насыщенный смысл). Абзац (1) содержит не только отношение противоположности, но и отношение оценочного соответствия: **Большевизм – Болезнь** (террор, умопомрачение).

Семантическая оппозиция в последнем абзаце выражена нечетко, скорее подразумевается.

Б о л ь н а я Р о с с и я реальная ЕСТЬ=РС болезни большевизмом		З д о р о в а я А м е р и к а реальная НЕТ=РС болезни, ирреальная НЕ МОЖЕТ БЫТЬ=РС болезни большевизмом
(Страна, где есть) большевизм болезнь усталых, истощенных народов, живущих под пятой продолжение столетий.		<i>Большевизм не может нарастать в стране, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке, уверяю Вас.</i>

Как видно, в тексте реализуется скрытая оппозиция концептов *настоящее / прошлое* и *будущее* для России, *настоящее* и *будущее* для Америки. Она связана с мотивом опасности распространения большевизма и обозначена средствами КМ: а) вопросом к Керенскому и б) ответным отрицанием (заверением Керенского).

В общих чертах приведенный статье анализ текстов ориентирует на более дифференцированное и систематическое описание модусов, в рамках которых мы получаем в газете особое представление о действительности.

Экспликация ментальных и вычленение выявленных в текстах смысловых противоположений помогает представить совокупность знаний и мнений в виде моделей понимания субъектами картины действительности. В синтагматическом плане развертывание оппозитивных единств показало разнообразие вариантов пространственно-временной репрезентации картины мира в дискурсе.

Анализ текстов с точки зрения чередования линейных речевых последовательностей в высказываниях установил роль построений с актуализацией *логических несообразностей*. Их функция иконическая - символизировать «болезнь» России большевизмом. *Идея умственного и психического расстройства*, характеризующая участников многих событий, обнаруживается в структуре сообщений фактологического характера (заметка, корреспонденция) благодаря

лексико-синтаксическим контрастам, смысловым несоответствиям, разным видам синтагматического противоположения. При этом именно различного рода «несоответствия» акцентируют в описанной ситуации ее ненормальность и болезненность. Положение дел и оценки этого положения могут быть скрыто оппозитивными в пресуппозиции. Они подразумеваются или «вычитываются» дополнительно.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 1978.
2. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М. : Радуга. 1982.
3. Амосов Н. М. Моделирование мышления и психики / Н. М. Амосов. Киев. 1965.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. 2-е изд. стер. М. : Едиториал УРСС, 2011.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. М.: Мысль, 1988.
6. Гуревич В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики / В. В. Гуревич // Вопросы языкознания. 1998. – № 1. – С. 27 – 35.
7. Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас. М. : Академ. Проект, 2004.
8. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997.
9. Краснова Т. И. Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса / Т. И. Краснова // Слово. Словарь. Словесность. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб : Изд-во «САГА», 2012. – С. 353 – 363.
10. Марьянич В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Архангельск. 2013.
11. Падучева Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. М. : Языки культуры, 1996.
12. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М. : Высш. шк. 1989.
13. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Причинность / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1995. – С. 35 – 73.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. М. : Языки русской культуры. 1997.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Сов. энцикл., 1935-1940.

MENTAL-VOICE OF THE OPPOSITION IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF A TEXT REFERENCE THE CONCEPTS OF "RUSSIA" AND "BOLSHEVISM"

T. I. Krasnova

**St. Petersburg
State University**

**e-mail:
taikrasnova@yandex.ru**

This article is devoted to analysis of the speech structure of the newspaper for the Russian diaspora, to analysis of text modality and references. Sintagmatically the sentences of the emigrant newspaper texts are structured by means of semantic-speech oppositions, thus representing the contradictions of Russian mentality. A different kind of meaning "irregularities" to accentuate each described her abnormality and pain.

Keywords: Russian diaspora, news text, discourse, mental, semantic opposition, reference, situation, modality, Russia, Bolshevism.